

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; с.н.с.,
Международный центр социально-экономических исследований
«Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ВЕЛИКОДУШИЕ ИЛИ ХИЩНИЧЕСТВО?

Аннотация. Статья посвящена происхождению, природе и проблемам государства благосостояния. Показано, что оно порождает дисбаланс в общественных финансах, завышенные социальные обязательства, которые невозможно станет исполнять в будущем. В настоящее время оно живет за счёт эксплуатации будущих поколений, часть представителей которых ещё не родилась. Происходит вытеснение государства защищающего («ночного сторожа») государством раздающим: растущее финансирование социальных программ оставляет всё меньше средств на оборону и другие первичные функции государства. Государство благосостояния привлекает мигрантов из отсталых стран, которые нередко нацелены не на поиск места на рынке труда, а на получение пособий. Одновременно возникает и усугубляется конфликт культур, утрачивается национальная идентичность принимающих миграционные потоки стран. Рассмотрена концепция хищнического государства применительно к государству благосостояния. Его хищническая природа проявилась в вытеснении им гражданского общества как организатора социальной сферы. Современное государство благосостояния, предоставляющее универсальные социальные услуги для всех граждан страны, родилось в результате двух мировых войн, из вовлеченности в них гражданских масс, которым надо было обеспечивать существование. Это качество мобилизационной экономики не ушло в прошлое после Второй мировой войны — общенациональные системы предоставления социальных благ и социальной защиты только развивались. Наблюдалось переплетение «эффекта храповика», когда послевоенные расходы не снижаются на довоенный уровень, с «эффектом колеи», когда появившиеся в военное время социальные нормы не исчезают в мирной жизни. В итоге есть основания рассматривать государство благосостояния как продукт ползучей социалистической революции бюрократии.

Ключевые слова: государство благосостояния, дискретные и обязательные расходы, миграция, хищническое государство, эффект храповика, эффект колеи, война.

JEL: D73, I31, I38, J15

УДК: 364.6

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44

© А.П. Заостровцев, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Заостровцев А.П. Государство благосостояния: великодушие или хищничество? // Вопросы теоретической экономики. 2024. №4. С. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44.

FOR CITATION: Zaostrovtssev A. Welfare State: Generosity or Predatory? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 4. Pp. 22–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_22_44.

Что такое государство благосостояния?

Анализ любого явления лучше всего начать с поиска его определений. Применительно к государству благосостояния таковых найдется немало. В «Энциклопедии качества жизни и исследований благосостояния» оно «представляет собой набор институтов, социально-экономической политики и культурных установок, которые определяют размеры и силу социальной защиты общества» [Gonzales, 2023. P. 7627]. В «Оксфордском справочнике политических институтов» под ним понимается «комплекс мер политики, которые в той или иной форме приняли все богатые демократии для смягчения нищеты и предоставления ценных социальных товаров и услуг» [Hacker, 2006. P. 385].

За конкретизацией приведённых дефиниций можно обратиться к весьма авторитетному источнику — статье известного исследователя государства благосостояния шведского экономиста А. Линдбека в «Новом экономическом словаре Пэлгрэйва». «Государство благосостояния складывается из двух типов государственных расходов: а) денежные пособия домохозяйствам (трансферты, включая обязательное страхование доходов) и б) субсидии или прямое предоставление государством социальных услуг (таких, как уход за детьми, дошкольное обучение, образование, здравоохранение и уход за престарелыми)» [Lindbeck, 2008. P. 70–88]. Это определение он называет узким и отмечает, что более широкое определение может включать регулирование цен (например, контроль арендной платы и поддержку цен на сельскохозяйственную продукцию), жилищную политику, регулирование условий труда, законодательство о гарантиях занятости и экологическую политику. Однако сам автор в рассмотрении государства благосостояния исходит из узкого его понимания [Ibid.].

Примерно на такие же две части делят государство благосостояния польские экономисты — Л. Бальцерович («отец» польской «шоковой терапии») и М. Раджиковский. По минимуму оно включает денежные социальные трансферты (перераспределительную пенсионную систему, пособия по безработице, семейные пособия, программы для бедных) и натуральные социальные трансферты (в особенности финансируемые обществом здравоохранение и образование, но также некоторые программы для бедных). К этим компонентам социальных расходов можно добавить два дополнительных инструмента: налоговые субсидии (например, субсидии за финансируемые нанимателями медицинские страховки в США) и «социальное» регулирование: уровень минимальной зарплаты, контроль цен за аренду жилья и защиту занятости. Подобно А. Линдбеку, авторы концентрируют свое внимание на социальных расходах, рассматривая их как наиболее важную компоненту государства благосостояния [Balcerowicz, Radzikowski, 2018. Pp. 1–2].

Британский экономист Н. Барр представил схему, которая формирует достаточно чёткое представление о структуре государства благосостояния (опираясь на практику Великобритании, рис. 1).

Выше были приведены инструментальные определения государства благосостояния. В то же время в них нередко включают и его идеологические интерпретации. Такой подход характерен обычно для его апологетов. Американский социолог Х. Виленски пишет следующее:

«Суть государства благосостояния заключается в минимальных стандартах дохода, питания, здоровья и безопасности, образования и жилья, гарантированных каждому гражданину как *социальное право* (курсив мой – А.З.), а не как благотворительность. Основные программы государства благосостояния, часто включаемые в общее название “Социальное обеспечение”, приняли форму социального страхования от основных рисков современной жизни: производственных травм, болезней, безработицы, инвалидности, старости и потери дохода из-за болезни, изменений в составе семьи или других случайных потрясений. ... Поскольку государство благосостояния касается общих рисков, затрагивающих поколения, регионы, классы,

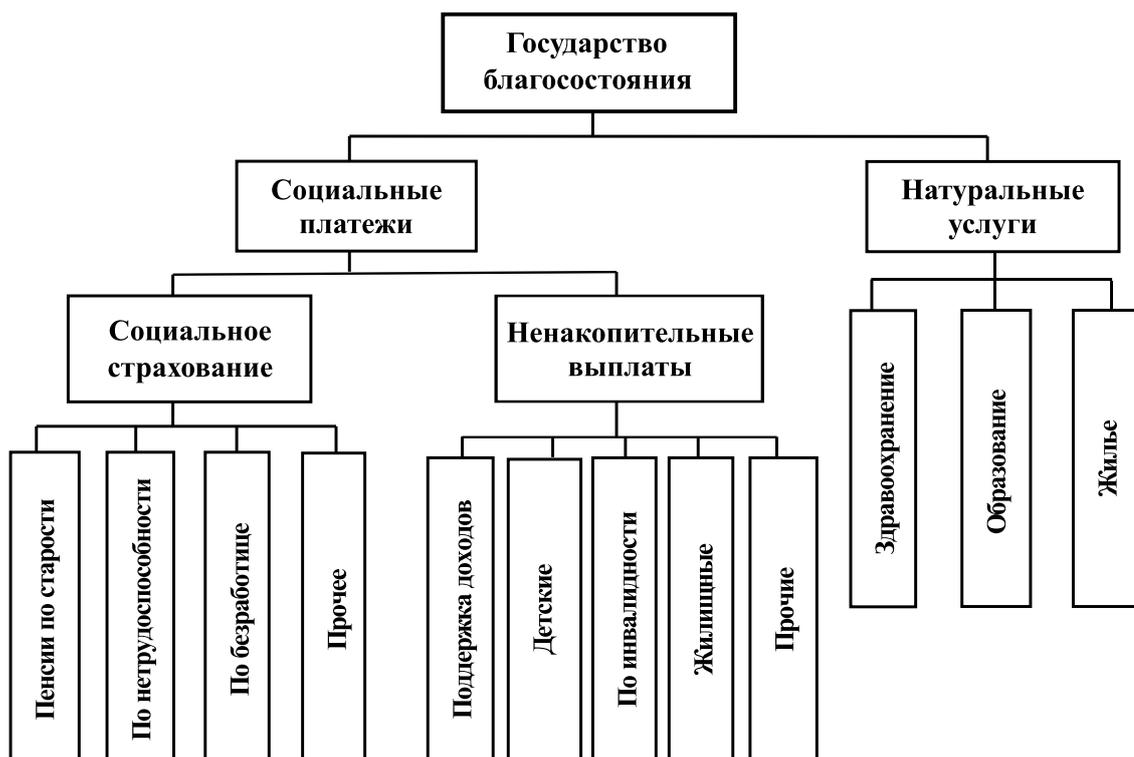

Рис. 1. Структура государства благосостояния

Источник: Barr N. (1998). *The Economics of the Welfare State*. 3-rd ed. — Stanford, California: Stanford University Press. P. 8.

этнические и расовые группы и уровни образования, оно является основным источником *социальной интеграции* (курсив мой – А.З.) в современном обществе» [Wilensky, 2002. P. 251].

В этом случае обращают на себя внимание два момента. Во-первых, упор на социальные права, которыми наделяются граждане. Подчёркивается, что это именно права, а не благотворительность. Здесь присутствует принципиально важный аспект идеологии государства благосостояния, сформировавшейся в XX в. Он в корне противоречит традиционному либеральному подходу к правам как возможностям приобретения благ, а не правам быть наделённым ими. Последние в своем пределе вырождаются в тотальный контроль, не оставляющий места рынку как спонтанному порядку. «Старые гражданские права и новые социально-экономические права не могут быть реализованы одновременно, потому что они несовместимы; новым правам невозможно придать законную силу, не разрушив либеральный порядок, являющийся целью старых гражданских прав» [Хайек, 2006. С. 271]¹.

Во-вторых, указание в заключительной фразе приведённой выше цитаты на социальную миссию данного государства, дополняющую перечисление его функций. Социальная интеграция включается в сферу его ответственности. Это одна из многочисленных разновидностей оправдания государства благосостояния.

Индийский исследователь Б. Вивеканандан подробно описывает основные характеристики государства благосостояния. При этом он идёт ещё дальше и придерживается явно выраженного эгалитаристского и широкого альтруистического подхода к организации его услуг. Есть смысл привести данное им описание полностью.

¹ В этой связи либертарианская писательница и философ Айн Рэнд писала: «Право не подразумевает материальную поддержку этого права другими людьми; оно подразумевает лишь свободу заработать это право самостоятельно» [Рэнд, 2011. С. 404].

«Основной чертой системы государства благосостояния являются гарантированные государством всеобщие социальные права, которые поддерживают права каждого человека на бесплатное здравоохранение, бесплатное образование, оплачиваемую работу, достойное жильё и условия для удовлетворения различных непредвиденных обстоятельств в жизни. Она обеспечивает благополучие всех своих жителей посредством институционализированного, управляемого государством социального обеспечения и социальной помощи в рамках солидарности и сотрудничества. Действительно, государство обязано обеспечить достойный уровень жизни всем своим жителям посредством различных мер социального обеспечения. Оно объединяет риски и средства правовой защиты всего населения и компенсирует прерывание основного заработка из-за непредвиденных обстоятельств, таких как безработица, болезнь, производственная травма, инвалидность, старость и даже банкротство бизнеса, посредством различных схем замещения дохода для покрытия необходимых расходов в домашнем хозяйстве. Цель состоит в том, чтобы обеспечить стабильный, эгалитарный, доход домохозяйств и укрепить социальную интеграцию. Кроме того, система распространяет финансируемые за счёт налогов государственные услуги бесплатно на все социально-экономические группы в стране на справедливой основе. Во всех таких ситуациях правительство выполняет роль как поставщика, так и регулятора. Оно регулирует качество и количество предоставляемого. В совокупности система указывает путь к гуманизации обществ, предоставляя людям *психологическую безопасность, которая будет служить стабильным положительным влиянием на их общее социальное поведение и отношения, вдали от колес эгоизма* (курсив мой – А.З.)» [Vivekanandan, 2022. Рр. 6–7].

В этом длинном пассаже дважды звучит призыв к эгалитаризму и, опять же, социальной интеграции. Однако есть и упор на безопасность (в данном случае – психологическую) — модный тренд в современном мире. Обусловленная услугами государства благосостояния, она призвана гармонизировать социальное поведение, избавив от эгоизма. Фактически декларируется воспитательная миссия этого государства как искоренение индивидуализма. Очевидно, что в итоге этот утопический идеал тем более несовместим с рыночным порядком — его реализация потребует организации, заворачивающей человека в кокон всеохватывающих поведенческих регламентов и лишаящей его инициативы.

Размеры государства благосостояния и их последствия

Опережающий рост государства благосостояния по сравнению с ростом ВВП в странах ОЭСР² продолжался последние сорок с лишним лет. Временные торможения и отходы от этой тенденции были несущественными и не сказались на результирующем векторе движения. Лишь Швеции удалось изменить картину. В остальных развитых странах ситуация обратная — доли общественных социальных расходов³ в ВВП заметно выросли по отношению к 1980 г. Франция на данный момент лидирует по этому показателю, а в США в XXI в. он быстро растёт (рис. 2).

² В ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) в 2024 г. состоит из 38 стран. Из бывшего СССР в неё входят Балтийские страны (Латвия, Литва и Эстония).

³ Согласно классификации ОЭСР, общественные социальные расходы включают: выплаты по старости (пенсии), по нетрудоспособности (инвалидности, болезни), расходы на здравоохранение (медицинские товары и услуги), семьи (семейные пособия, оплачиваемые отпуска родителям и пр.), активную политику на рынке труда (содержание служб занятости и пр.), безработных (пособия по безработице), жильё (например, жилищные пособия) и прочие (например, разные виды социальной поддержки для низкодоходных домохозяйств [Adema W, Fron P, Ladaique M. Sizing up welfare state: How do OECD countries compare? February 2, 2023. URL: <https://oecdstatistics.blog/2023/02/02/sizing-up-welfare-states-how-do-oecd-countries-compare/> (access date: 13.09.2023).

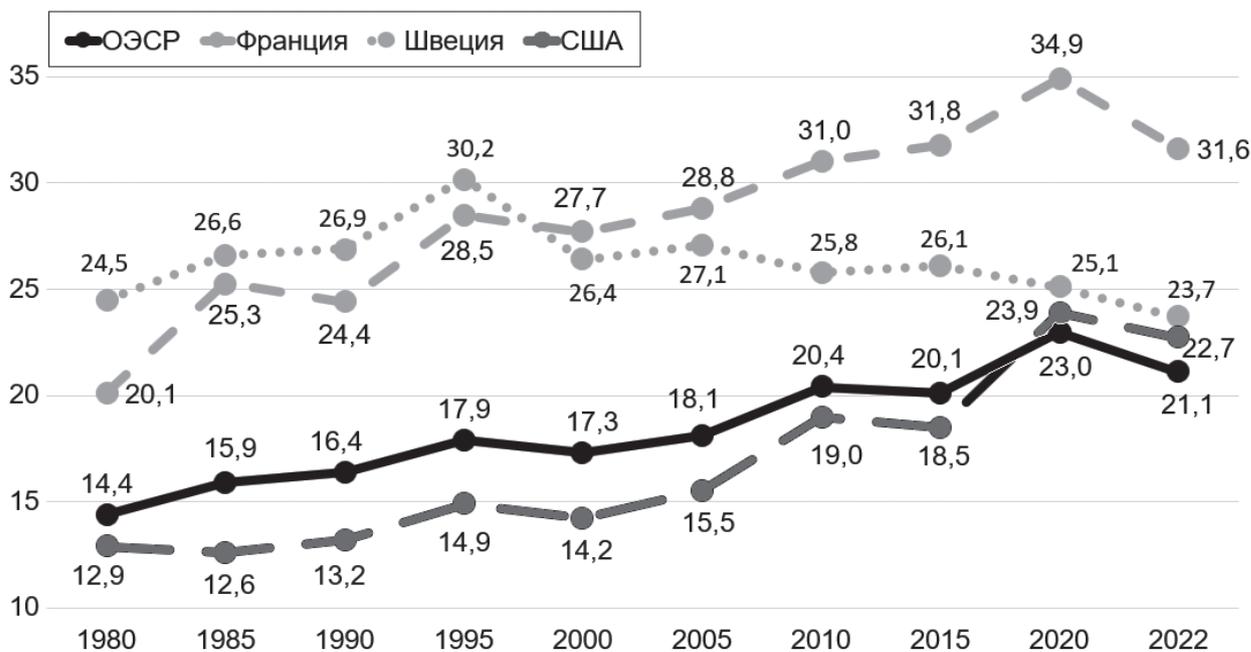

Рис. 2. Общественные социальные расходы, % от ВВП

Источник: OECD. Data. Social spending. URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/social-spending.html> (access date: 13.09.2024).

Шведская модель государства благосостояния пережила кризис в 90-е гг. прошлого века и к настоящему времени представляет собой наименее проблемное её воплощение. Как отмечает шведский экономист А. Берг, «государство благосостояния остаётся универсальным, но позволяет больше конкуренции и свободы выбора» [Bergh, 2014. Р. 2]. Однако Швеция не может служить образцом для всех, поскольку она почти не несла на себе бремени расходов на те общественные блага, ради поставки которых изначально и сформировалось государство как институт.

В этом плане последствия роста социальных расходов лучше проследить на примере США. Тем более, что, как видно из рис. 2, их доля в ВВП с 80-х гг. прошлого века выросла почти в 2 раза! Начать стоит с рассмотрения федерального бюджета. Если обратиться к данным Бюджетного управления Конгресса США, то, прежде всего, следует указать на исторические показатели, характеризующие структуру бюджетных расходов.

На рис. 3. представлены обязательные расходы (закреплённые законами). Они переходят из года в год как predetermined. Практически целиком они представляют социальные расходы федерального бюджета. За 60 лет они выросли с 4,8 до 13,9% ВВП (их резкий взлёт в 2020–2021 гг. связан с пандемией COVID-19). Расходы на социальное обеспечение выросли более чем в 2 раза. И две главные финансируемые федеральным правительством медицинские программы (Медиккэа и Медикэйд) выросли с 0 (они стартовали в 1967 г.) до 6,1% ВВП.

Противоположная картина наблюдается относительно дискретных расходов (рис. 4). Их доля в ВВП упала почти в 2 раза. А доля входящих в эту категорию военных расходов сократилась ровно втрое (с 9 до 3% ВВП).

Тенденция вытеснения дискретных расходов продолжится и далее. Согласно долгосрочному прогнозу, она с 6,4% ВВП в 2024 г. к 2054 г. снизится до 4,9%, тогда как доля обязательных расходов вырастет с 13,9% в 2023 г. до 16,2% в 2054 г. При этом расходы на социальное обеспечение за этот период увеличатся с 5,0 до 5,9%, а на основные медицинские программы с 5,8 до 8,3%. Финансирование социальных обязательств потребует сохранения дефицитного бюджета (предполагается, что дефицит возрастет с 6,2% ВВП в 2023 г. до 8,2% в 2054 г.) и, естественно, дальнейшего роста госдолга. Его сумма в виде гособязательств на

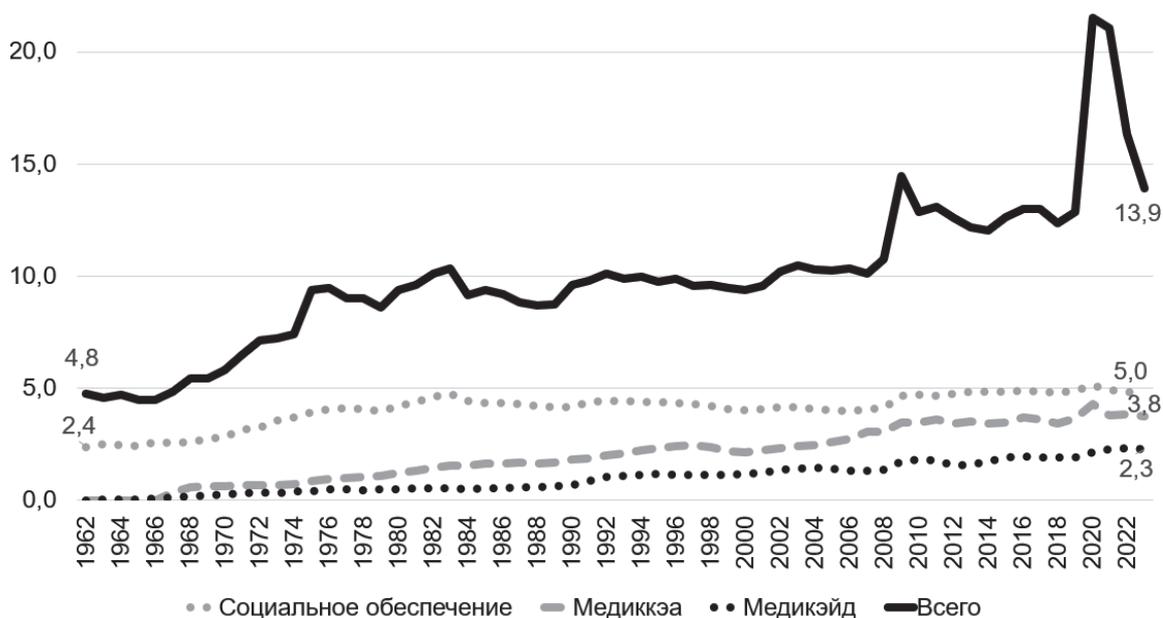

Рис. 3. Обязательные (mandatory) расходы федерального бюджета США, % ВВП
 Источник: Congressional Budget Office. URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#2>
 (access date: 13.09.2024).

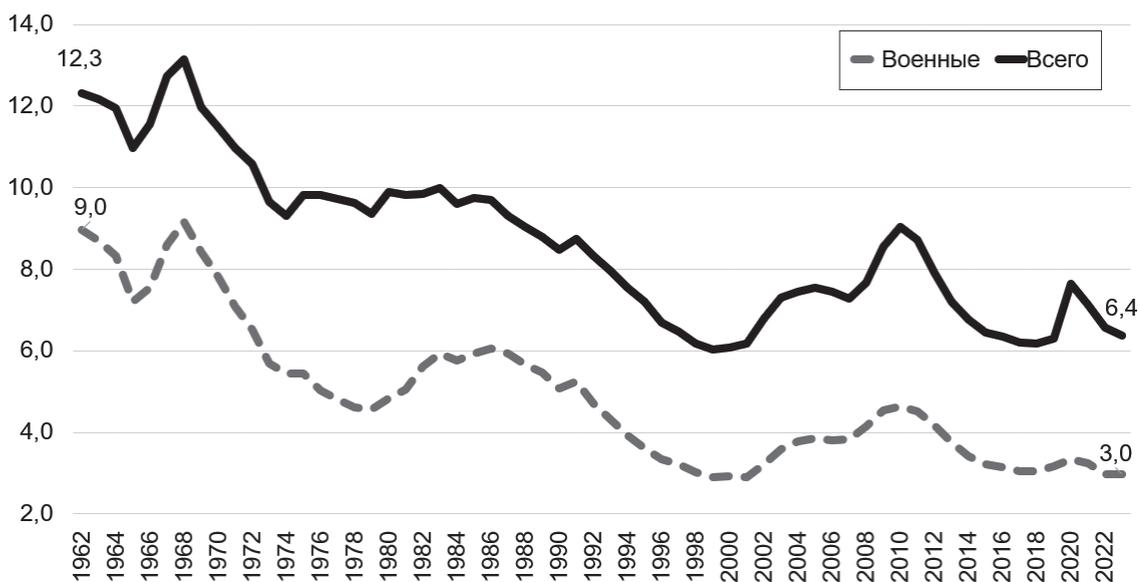

Рис. 4. Дискретные расходы (discretionary) федерального бюджета США, % ВВП
 Источник: Congressional Budget Office. URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#2>
 (access date: 13.09.2024)

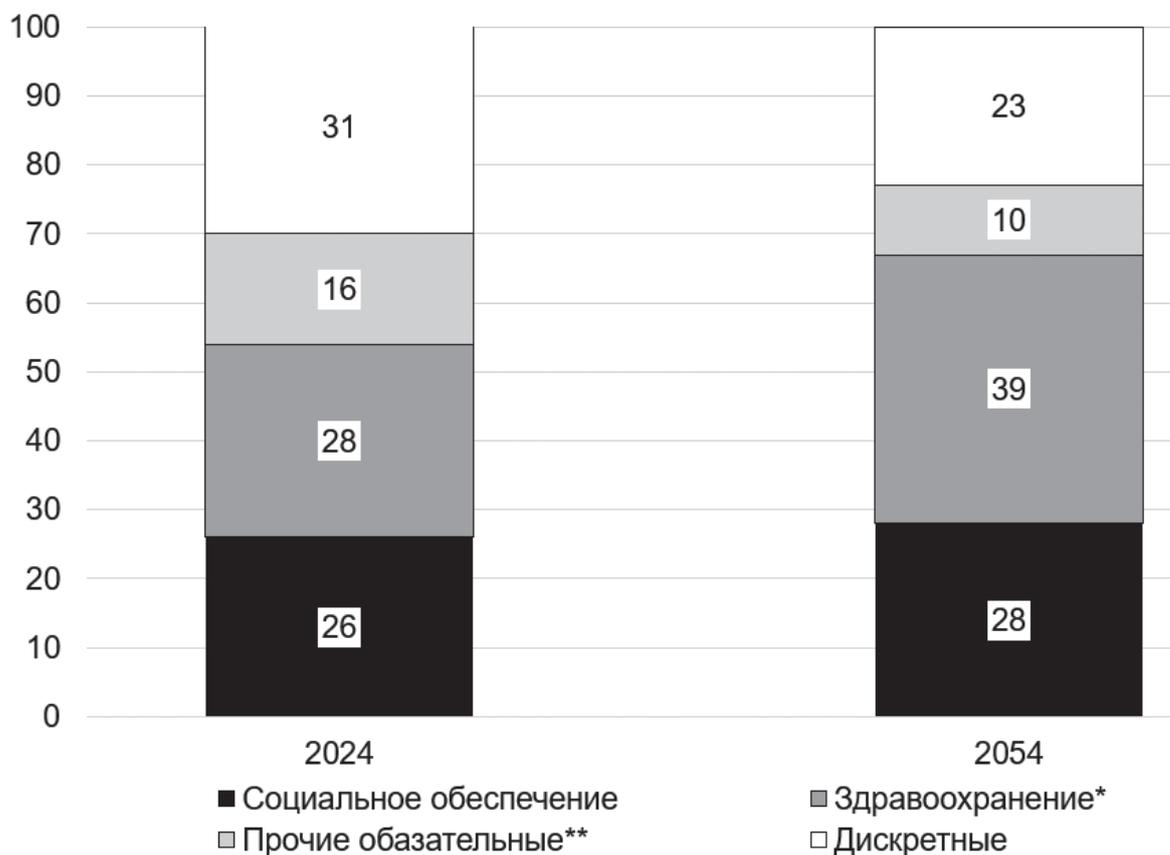
руках частных лиц вырастет с 97% ВВП в 2023 г. до 166% в 2054 г. При этом всё большее место в бюджетных расходах станут занимать чистые процентные платежи по долгу: их рост прогнозируется с 2,4% ВВП в 2023 г. до 6,3% в 2054 г.⁴

Вышеприведённые данные свидетельствуют об одном из главных последствий государства благосостояния: вытеснении расходов на более чистые общественные блага расходами на менее чистые или, как их называют, смешанные, а то и мериторные блага. Действительный интерес граждан в защите права на жизнь и собственность становится слишком узким для государства, которое в своём имманентном стремлении к экспансии объявляет всё более и

⁴ Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook: 2024 to 2054. URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#1> (access date: 13.09.2024).

более широкий круг благ наделёнными социальной полезностью⁵. Отчасти это объясняется со стороны предложения: государству, как правило, требуется меньше транзакционных издержек на одну аппаратную единицу для расширения финансирования и контроля отраслей гражданского сектора по сравнению с военным. С другой стороны, можно посмотреть на проблему и со стороны спроса: «оборонные расходы “продаются” бюджетно-зависимому избирателю с куда большим трудом» [Яновский, Жаворонков, Черный, Затковецкий, 2018. С. 55]. В этом последнем обстоятельстве кроется причина вечной неготовности демократий к войне (в отличие от недемократических режимов). В целом же идёт процесс, который можно назвать урезанием государства — ночного сторожа и заменой его разбухшим Левиафаном, который стремится действовать по принципу «я отвечаю за всё»⁶.

Нельзя пройти мимо и проблемы распухающего государственного долга. Он сдавливает будущий федеральный бюджет США. Согласно долгосрочному прогнозу, доля выплачиваемых чистых процентов по госдолгу в общих бюджетных расходах вырастет с 13% в 2024 г. до 23% в 2054 г.⁷ С другой же стороны, дискретные расходы будут сжиматься увеличивающимися обязательными расходами. Выше был показан имевшийся и прогнозируемый рост их доли в ВВП. На рис. 5 показаны прогнозируемые изменения долей обязательных и дискретных расходов в федеральном бюджете США.

* Расходы на здравоохранение складываются из двух программ: Медиккэа и Медикэйд.

** Прочие обязательные расходы включают различные виды налоговых кредитов.

Рис. 5. Структура непроцентных расходов в федеральном бюджете США, %

Источник: Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook: 2024 to 2054. URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#1> (access date: 13.09.2024).

⁵ См. теорию опекаемых благ Р. Гринберга – А. Рубинштейна [Гринберг, Рубинштейн, 2013. С. 244–270].

⁶ Р. Капелюшников рассматривал этот процесс как переход от государства благосостояния к патерналистскому государству на основе идеологии поведенческой экономики [Капелюшников, 2013. С. 45–51].

⁷ Congressional Budget Office. The Long-Term Budget Outlook: 2024 to 2054. URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#1> (access date: 13.09.2024).

Требуется отметить и самоедский характер государства благосостояния. Проявляется он прежде всего в том, что его расширение подрывает основы его финансирования по причине негативного воздействия государственного долга (вызванного, преимущественно, необходимостью покрытия растущих социальных расходов) на экономический рост. Американский экономист Дж. Салмон проанализировал 40 работ по проблеме взаимосвязи государственного долга с экономическим ростом: в 36 из них установлено его тормозящее воздействие. Медианный и средний пороги госдолга (после прохождения которых начинается отрицательное влияние на рост) составляют для развитых стран 78 и 82%, соответственно. Делается вывод о том, что им желательно не превышать порог в 80% [Salmon, 2016. Pp. 502–503, 505].

Напомним, выше отмечалось, что госдолг только на руках граждан США в 2023 г. уже составил 97% ВВП, а в 2054 г. прогнозируется на уровне 166%. Бюджетное управление Конгресса США прогнозирует снижение темпов экономического роста с 2,5% в 2023 г. до 1,8% в 2034 г. и 1,6% в 2044–2054 гг. [Ibid].

О кризисе государства благосостояния заговорили достаточно давно. А. Линдбек разделил его проблемы на экзогенные и эндогенные. К первым он отнес демографическую ситуацию, снижение производительности, интернационализацию (глобализацию) национальных экономик, «болезнь издержек» по Баумолю (производительность в сфере социальных услуг почти не растёт, а рост зарплат в частном секторе подталкивает к росту зарплат и в этой сфере, что требует повышения общественных расходов на её содержание, а, следовательно, и налогов) [Lindbeck, 2008. Pp. 7093–7096].

Относительно демографической ситуации можно сказать, что она является не только экзогенным, но и одновременно эндогенным фактором кризиса. Она включает в себя как воспроизводство населения, так и миграцию. Государство благосостояния снижает стимулы к деторождению и поощряет миграцию за пособиями и прочими не связанными с трудом благами. Роль детей как акторов социальной защиты родителей (в старости, при болезни) тем ниже, чем лучше поставлена работа государственных социальных служб. Происходит вытеснение семей активностью этих служб.

Что же касается притока мигрантов из других стран, то он как на сегодняшний день, так и на перспективу представляет собой фактор долгосрочной дестабилизации западного общества. В настоящее время всё настойчивее ставится вопрос о его окупаемости. Потребляют приезжие больше или меньше ресурсов в стране пребывания за период пребывания в ней, чем создают? В положительном балансе — весь смысл и оправдание миграции. В противном случае последняя ложится дополнительным чистым бременем на налогоплательщиков, на коренное население.

Ответ на вопрос о «самоокупаемости» миграции даёт регулярный ежегодный тематический обзор ОЭСР «International Migration Outlook» за 2021 г. Исследованием охватывались 22 европейские страны ОЭСР, а также Австралия, Канада и США в период с 2006 по 2018 г. Во всех странах иммигранты вносили большой вклад в виде налогов и других платежей, чем государственные расходы на их социальную защиту, здравоохранение и образование. Однако если учесть все общественные расходы, то их общий чистый фискальный вклад остаётся положительным только для трети стран. Общий чистый фискальный вклад иммигрантов постоянно находится в диапазоне между –1% и +1% ВВП [OECD, 2021. P. 112].

Рис. 6 убедительно показывает, что иммигранты явно «перетягивают одеяло на себя» по сравнению с родившимися внутри страны. Разрыв между ними в наиболее продуктивном возрасте (25–54) обусловлен не более высокими государственными расходами на первых, а более высоким уровнем безработицы среди них. Если бы не он, то чистый фискальный вклад иммигрантов увеличился бы на 0,5% ВВП в Бельгии и Швеции, и более

чем на треть процента в Австрии, Дании, Люксембурге и Нидерландах [Ibid. P. 113]. При этом проблема безработицы среди мигрантов обостряется⁸.

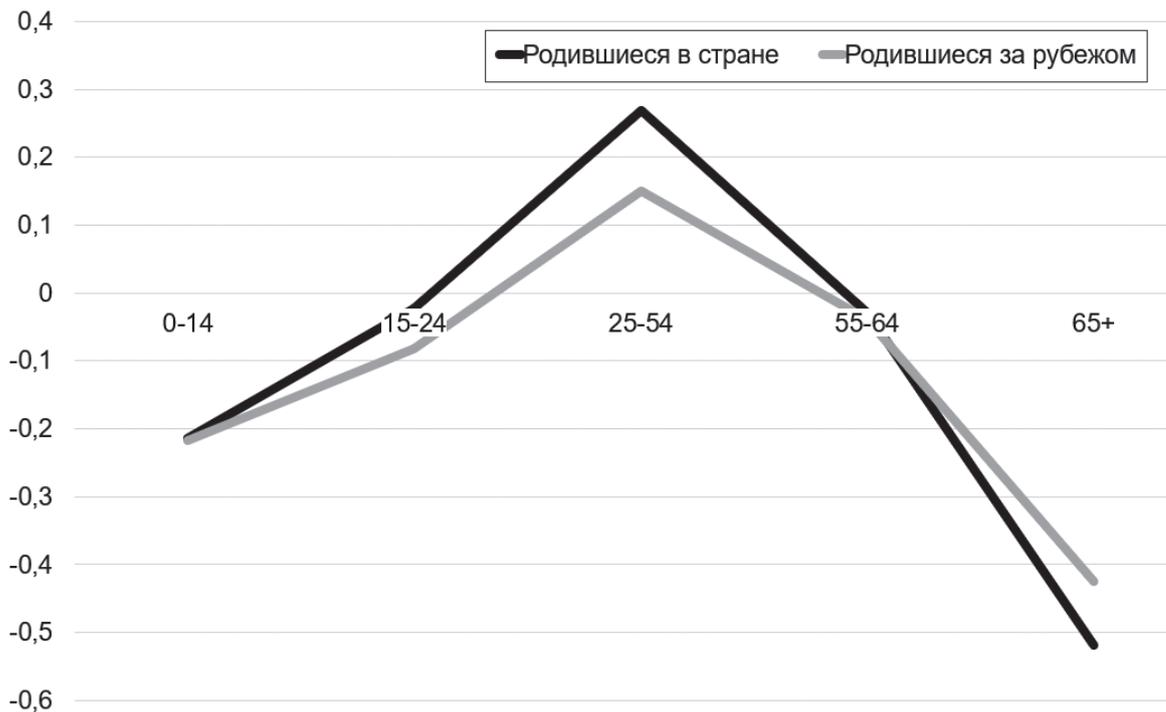

Рис. 6. Общий чистый фискальный вклад на душу населения, делённый на ВВП на душу населения, родившихся в стране и за рубежом по возрастным группам, 2006–2018 гг.

Источник: International Migration Outlook 2021 / OECD Publishing, Paris, 2021. P. 154.

<https://doi.org/10.1787/29f23e9d-en>

Есть основания предположить, что безработица мигрантов далеко не вынужденная, а является разновидностью оппортунистического поведения. Это утверждение относится не ко всему контингенту. Обратим внимание на цели переезда в Великобританию неродившихся в ней по регионам происхождения (табл. 1). Как видим, переезжающие из стран ЕС более настроены на работу, чем из стран вне ЕС. Особо контрастируют показатели для стран ядра ЕС (ЕС-8) и стран Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии, а также стран южнее Сахары⁹. Очевидно, если за безработицу платить, то безработные будут.

Если вернуться к рассматриваемой А. Линдбеком второй группе проблем государства благосостояния, которые обозначены как эндогенные, то здесь он как раз подчёркивает, что «дестимулирующие эффекты из-за налоговых искажений и морального риска (по определению) являются результатом эндогенного приспособления индивидов к самому государству благосостояния» [Lindbeck, 2008. P. 7095].

⁸ Так, недавно в Великобритании зафиксировано 1 689 тыс. незанятых мигрантов (в это число не включаются студенты и искатели убежища), которые обходятся британскому налогоплательщику в 8,5 млрд фунтов в год. Общая сумма государственных средств (включая затраты на здравоохранение, образование, транспортные и жилищные нужды, а также пособия), расходуемая на эту категорию мигрантов, может достигать 20,3 млрд фунтов. — Beckford M. (2024). Record numbers of migrants living in Britain are jobless with more than 1.6 million unemployed or 'economically inactive' people costing taxpayers an estimated £8 billion Daily Mail. Published: 30 Aug. 2024. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13794959/Recordnumbers-migrants-living-Britain-jobless.html> (access date: 13.09.2024).

⁹ Во время одного из погромов, устроенных мигрантами во Франции уже почти 20 лет назад, один из них писал в сети: «Я ничего не делаю и получаю 5–6 штук в месяц по пособиям Le RMI, Allocation familiale, Allocation pour parents isole, Allocation jeune enfants, Allocation logement, Allocation rente scolaire, Les bonds de vacances, Aide Assistante sociale. И втюхиваю какое-нибудь дерьмо твоему брату или сестре. Да здравствует Франция, наша супердойная корова!» [Жвирблис А. (2005). Кузьминки-Су-Буа // Коммерсантъ-Власть. 14.11.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/626096> (дата доступа: 13.09.2024)].

Таблица 1

Цели переезда мигрантов в Великобританию, %

Регион выезда	Цель переезда			
	Работа	Семья	Учёба	Прочие
ЕС	42	37	12	9
Не-ЕС	22	48	14	16
ЕС 8	55	27	8	10
Страны, южнее Сахары	21	43	14	22
Ближний Восток, Сев. Африка и Центральная Азия	12	44	12	32

Источник: Migrants in the UK: An Overview. 09.08.2024. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/migrants-in-the-uk-an-overview> (access date: 13.09.2024).

А. Линдбек отмечает, что индивид предпочтет работу пособиям только если:

$$u[w(1-t)] > u(bw) + \alpha - f(n),$$

где u — полезность потребления, w — заработная плата, t — средняя налоговая ставка, b — норма замещения зарплаты пособием (отношение последнего к зарплате), α — разность между полезностью досуга и внутренней полезностью, которую некто может извлечь из труда. Особое внимание обратим на последний член правой части неравенства — $f(n)$, который интерпретируется как отрицательная полезность стигматизации нарушения преобладающих трудовых норм (этики), где n — общее число индивидов (или сверстников), которые действительно следуют трудовым нормам (или нормам, препятствующим жизни на государственные пособия).

А. Линдбек предполагает, что отрицательная полезность от стигматизации растёт вместе с числом индивидов, которые предпочитают работу жизни на пособия; таким образом, $f(n) > 0$. Если на время абстрагироваться от $f(n)$, то индивид может предпочесть жить на пособия, а не работать, когда $(1-t)$ хоть немного выше b (при условии, что он ценит досуг несколько выше, чем труд; иначе говоря, α хотя бы немного положительна) [Ibid.].

В случае с мигрантами с Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии (если допустить, что структура их стимулов для миграции в страны Европы примерно такая же, как и в Великобританию), есть все основания предположить, что у них величина $f(n)$ вряд ли положительная, а, скорее всего, даже отрицательная. Жизнь на пособия в развитых демократических странах рассматривается в их среде не как позор, а, скорее, как достижение. Величина α , по всей видимости, устойчиво положительная, поэтому с увеличением доли мигрантов из этого региона присущая коренным европейцам (особенно в Северной Европе) трудовая этика будет размываться (увеличиваться число индивидов и предпочитающих жить на пособия)¹⁰.

Пока же можно зафиксировать следующую цепь последствий государства благосостояния. С одной стороны, оно со временем сделало невыгодным домашнюю занятость

¹⁰ Согласно прогнозу исследовательской организации Pew Research Center, при умеренном сценарии роста миграционных потоков процент мусульман в таких странах, как Швеция, Франция, Великобритания, Италия и Германия, достигнет в 2050 г. 20,5, 17,4, 16,7, 12,4 и 10,8%, соответственно. В случае более интенсивной миграции эти цифры будут 30,6, 18,0, 17,2, 14,1 и 19,7% — Europe's Growing Muslim Population. 29.11.2017. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2017/11/29/europes-growing-muslim-population> (access date: 13.09.2024).

в сфере воспроизводства населения. Детей в роли гарантов социального страхования родителей заменили государственные фонды и службы. Это породило кризис семьи как базового общественного института и стало одной из причин суженного воспроизводства населения¹¹. С другой стороны, появился дефицит рабочей силы (старшие, более многочисленные поколения освобождали рабочие места, которые не могли полностью заместить младшие) и спрос на импорт рабочей силы из стран, где государство благосостояния не заняло значительного места в силу общей бедности. Однако развитые страны, как видно из табл. 1, привлекают мигрантов не только высокой оплатой труда, но и возможностями пользоваться его благотворительностью без трудового участия¹². Это порождает появление массовых категорий мигрантов, преимущественно из обозначенных в табл. 1 двух последних регионов, которые не облегчают, а, напротив, усиливают фискальное общественное бремя. И, если принять во внимание прогноз Pew Research Center, Европу ждёт массовое народозамещение и потеря собственной цивилизационной идентичности даже в случае умеренного сценария роста мусульманского населения¹³. Кроме того, будет расти и удельный вес носителей других, чуждых западным ценностям культур.

Волна критики государства благосостояния поднялась после европейского финансового кризиса 2010–2011 гг. В специальном выпуске журнала Института Катона (США) кризис этого государства рассматривался с самых разных сторон [Tanner, 2013a; Tanner, 2013b; Gokhale, Partin, 2013; Lemeiux, 2013; Hallerberg, 2013; Schwartz, 2013]. И М. Таннер, и П. Лемье подчёркивают процесс «европеизации» экономики США в плане роста социальных обязательств. Традиционные представления о большей зависимости европейских стран от них становятся не столь очевидными, как ранее [Tanner, 2013b; Lemeiux, 2013].

Дж. Гокхейл и Э. Патин сформулировали актуальное и в настоящее время заключение о том, что «до тех пор, пока рост социальных программ (так называемых социальных прав) не будет урезан, более высокое фискальное бремя сегодняшних молодых работников и будущих поколений и сжатие расходов на не связанные с этими программами правительственные мероприятия станут неизбежными» [Gokhale, Partin, 2013. P. 209]. Этот процесс сжатия уже был показан выше.

Что же касается роста фискального бремени для будущих поколений, то об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1950 г. в США на одного получающего пенсию бенефициара приходилось 16 работающих, тогда как к 2040 г. 2,2 работающих на 1 пенсионера¹⁴. Уже сейчас значительные объёмы средств перераспределяются в пользу старшего поколения за счёт молодых. В США в 2020 г. 66% расходов на социальные пособия в США при-

¹¹ «Если семья была институтом, который в известной степени создавался и сохранялся как форма взаимного страхования против жизненных рисков, то разве передача этих страховых функций государству не подтачивает сам институт, упадок которого теперь оплакивают политики всех западных государств всеобщего благосостояния?» [Лал, 2007. С. 200].

¹² Если один из родителей в семейной паре с детьми двух и трёх лет выходит на работу на полное время (при условии, что другой получает 67% средней зарплаты на полной занятости), то его потери за счёт более высоких налогов или потери социальных выплат составят в среднем по ОЭСР 47% от средней зарплаты в стране (по данным на 2022 г.). При этом наиболее высокие потери в процентах от средней зарплаты будут в Новой Зеландии (84), Дании (70), Канаде (67), Швейцарии (66). В США они составят 63%, Великобритании — 57, Франции — 51, Германии — 44, Испании — 29%, — OECD 2024. Financial disincentives to enter employment with childcare costs. URL: <https://www.oecd.org/en/data/indicators/financial-disincentive-to-enter-employment-with-childcare-costs.html> (access date: 13.09.2024). Таким образом, дестимулирование занятости по причине значительных социальных льгот за пребывание дома с детьми весьма сильно. Очевидно, что, например, женщины из регионов с традиционными семьями вряд ли займутся поиском работы при таких условиях.

¹³ «Проблема Европейского союза в том, что наивные бюрократы ... одурачены ярлыками. Они считают, что салафизм — всего лишь религия ..., хотя на самом деле это нетерпимая политическая система, которая пропагандирует (или позволяет) насилие и отвергает западные институты — те, что защищают салафитов» [Талейб, 2018. С. 292].

¹⁴ Tanner M.D. (2022). Social security. Cato Institute. URL: <https://www.cato.org/cato-handbook-policy-makers/cato-handbook-policy-makers-9th-edition-2022/social-security> (access date: 13.09.2024).

шло на 17% населения в возрасте 65 лет и старше. В то время как эта возрастная группа принесла лишь 11% прямых налоговых поступлений. В этой связи К. Поуп делает вывод о том, что «несмотря на предполагаемую цель перераспределения от более обеспеченных к менее обеспеченным, американское государство всеобщего благосостояния перераспределяет гораздо больше в пользу пенсионеров среднего класса, чем в пользу бедных»¹⁵. Как показывают и другие исследования, получение прямо противоположного декларируемому реальному результату — весьма характерный провал государства благосостояния [Gallaway, Garrett. 2016].

Развёрнутая критика государства благосостояния была представлена на страницах журнала Института Катона пятью годами позже упомянутыми выше Л. Бальцеровичем и М. Раджиковским. Они выделили четыре направления этой критики: экономическое, моральное, философское и политическое. Экономическое сводится преимущественно к негативному влиянию на экономический рост. Моральное направление показывает, как оппортунистическое поведение (злоупотребление различными социальными благами) разрушает такие социальные нормы, как честность, сильная трудовая этика и семейные ценности¹⁶. Философское и политическое направления относятся к эрозии социальных норм, важных для либеральных (либертарианских) критиков. Сопровождающие государство благосостояния высокие налоги подрывают свободу, а разрастание поддерживающих его групп интересов ослабляет гражданское общество [Balcerowicz, Radzikowski, 2018. P. 3].

Концепции государства благосостояния: от «благородного деспота» до хищничества

Разросшееся до 20–30% ВВП государство благосостояния потребовало теоретического обоснования своего права на существование и развитие. В английском языке такое обоснование обозначается словом *justification*. Поскольку в этом вопросе сталкиваются разные точки зрения, то, наверное, для начала стоит посмотреть на эволюцию взглядов экономистов на государство как таковое. Обратимся к систематизации этой проблемы П. Беттке и П. Лисоном [Boettke, Leeson, 2015].

Они начинают систематизацию с напоминания о так называемом «парадоксе правительства», сформулированном ещё Дж. Мэдисоном. Вкратце суть его в следующем: правительство предназначено управлять теми, кто должен его контролировать. Отсюда, чем больше функций и полномочий у правительства, тем менее оно поддаётся контролю тех, кто делегирует ему полномочия. Очевидно, что проблема роста государства благосостояния вполне вписывается в этот парадокс.

П. Беттке и П. Лисон выделяют четыре исторически последовательные предпосылки политико-экономического анализа государства [Ibid. Pp. XII–XIII]:

1. *Laissez-faire*: доминировала в XVIII и начале XIX в.
2. Провалы рынка: доминировала с конца XIX в. и до середины XX в.

¹⁵ Pope C. (2024). The overextended retirement state. Manhattan Institute. URL: <https://media4.manhattan-institute.org/wp-content/uploads/the-overextended-retirement-state.pdf#page=13> (access date: 13.09.2024).

¹⁶ Кульминационным пунктом развития идеологии государства благосостояния является выдвигаемая и широко пропагандируемая ныне концепция безусловного базового дохода. Её поддерживает даже группа либертарианцев, именующих себя «либертарианцами с кровоточащим сердцем» (*bleeding-heart libertarians*) [Zwolynski, Fleischer, 2023]. П. Лемье в критическом обзоре книги М. Зволински и М. Флейшер обратил внимание не только на финансовую несостоятельность концепции (что очевидно), но и на её разлагающее действие в случае гипотетического воплощения в жизнь: «Люди, освобождённые от ответственности самостоятельности, вероятно, более склонны стать сторонниками тиранов или же праздными и скачущими нигилистами, открытыми для жестоких приключений» [Lemieux, 2024. P. 36].

3. Провалы государства: прервала доминирование концепции провалов рынка с конца XX в.

4. Анархия, которая, по их признанию, не является установившимся экономическим подходом; эта посылка плодотворна в случае, когда альтернативой является ультралиберальное государство.

Понятно, что в системе *laissez-faire* для государства благосостояния вряд ли найдётся много места. Поэтому сразу перейдём к провалам рынка. В основе этого подхода лежат две идеи. Во-первых, это дисфункциональность рынков, которые не в состоянии координировать действия автономных индивидов так, чтобы принести максимум пользы самим участникам (выйти на парето-эффективное состояние). Во-вторых, это функциональность государства, которое представляют просвещённые и преисполненные чувством долга политические акторы, которым можно доверить власть для исправления провалов рынка. Если в эпоху *laissez-faire* бремя доказательства целесообразности лежало на тех, кто предлагал расширить полномочия государства, то идеология провалов рынка, напротив, требует такого доказательства от сторонников сокращения государственного интервенционизма. Экономисты стали «наделять государство “божественным знанием” и доброжелательностью» [Ibid. P. XVIII].

Видение, когда государство предстает как великодушный диктатор-доброжелатель, максимизирующий общественную полезность, было заложено в неоклассическую экономическую теорию А. Пигу [Pigou, 1920], развито П. Самуэльсоном [Samuelson, 1974] и стало методологической основой новой в 1970-е гг. области экономической теории — экономики общественного сектора (public economics) [Musgrave, Musgrave, 1973]. Наделённое всезнанием государство играет роль «всеобщего доктора», который бросается лечить провалы рынка: обеспечивает оптимальное количество общественных благ и корректирует экстерналии, ликвидируя разрывы между частными и общественными издержками.

А. Линдбек суммирует аргументы в оправдание государства благосостояния и делит их на соображения с позиции эффективности и с позиции распределения [Lindbeck, 2008. Pp.7088-7089]. К первым он относит:

1. Провалы рынков добровольного рыночного страхования:

- а) отбор лучших («снятие сливок») среди обращающихся за страхованием, когда страховщик может разграничить подверженных высоким и низким рискам индивидов;
- б) отбор худших (adverse selection), когда страховщик не в состоянии произвести такое разграничение;
- в) миопия, когда индивиды недооценивают свою потребность в доходах в будущем;
- г) безбилетничество (free-riding) на альтруизме других, когда индивид ожидает бескорыстной помощи от других в случае экономического стресса;
- д) межпоколенческие риски, когда заключение страхового контракта и его выполнение сильно разорваны во времени.

Весь этот комплекс проблем обретающее патерналистскую форму государство благосостояния решает через обязательное социальное страхование.

2. Дефицит инвестиций в человеческий капитал (образование, здравоохранение), который возникает по причинам:

- а) невозможности «приватизировать» создаваемые в будущем позитивные экстерналии за счёт лучшего человеческого капитала;
- б) проблем заимствования на частном рынке кредитования в случае, когда залогом выступает будущий человеческий капитал.

Напротив, с точки зрения распределения выделяются:

1. Снижение бедности: принудительный альтруизм может быть оправдан противодействием связанными с ней негативными экстерналиями (заразные болезни, состояние городской среды и пр.).

2. Снижение неравенства: принудительный альтруизм может быть оправдан (как и в случае снижения бедности) ростом безопасности и социальным миром.

Многое из обусловленной вышеперечисленными соображениями социальной политики, как часто утверждается, создаёт условия для повышения производительности труда и положительно сказывается на экономическом росте. Снижение бедности и неравенства представляется чем-то вроде общественного блага, позитивный эффект которого распространяется на всех.

Однако даже если не принимать во внимание часто оспариваемую способность государства «делать лучше рынка», стоит обратить внимание на то, что само представление об экстерналиях (общественные блага можно интерпретировать как особый вид экстерналий с общедоступной внешней выгодой) весьма субъективно и противоречиво. Одни могут страдать от негативных экстерналий, порождённых завистью к богатым, другие от таких же экстерналий, проистекающих из сострадания к бедным. Один и тот же объект может быть источником позитивных экстерналий для одних и негативных — для других (цветущая липа за забором соседа вызывает положительные эмоции у любителя липового меда, но отрицательные от испытывающего аллергию от пыльцы). «В целом вывод, к которому я ... пришёл, заключается в том, что у нас нет настоящего определения экстерналии» [Таллок, 2011. С. 61].

Теория провалов государства развилась в рамках становления теории общественного выбора (public choice). Начиная с основополагающих трудов Дж. Бьюкенена и Г. Таллока [Бьюкенен, 1997], она продвигает скорректированную версию общественного договора. Государство здесь не просто «благонамеренный диктатор», оно может включать и «хищников». Хищническая деятельность есть разновидность провалов государства, которая связана с целями групп специальных интересов, склонностью политиков к краткосрочному видению, ловушкой регулирования и поведением бюрократии. Ей противостоит общественный договор в форме конституционного договора, который помещает в клетку государство-Левиафана (ограничивает его поле деятельности). Этот конституционный договор есть продукт добровольного общественного согласия (в идеале — единогласия), заключаемого в условиях «вуали неведения» [Бреннан, Бьюкенен, 2005].

Классическое определение хищнического государства принадлежит Д. Нортю. Под ним он понимал такое государство, которое «специфицирует права собственности так, чтобы максимизировать доход властвующей группы, не считаясь с влиянием на благосостояние общества в целом» [North, 1981. P. 22]. В той же работе говорится о сравнительных преимуществах государства в применении насилия. Это преимущество может быть использовано двояко. Оно может быть направлено «на определение и защиту прав собственности, но также и на присвоение ресурсов граждан для блага правящего класса» [Holcombe, 2020. P. 288].

М. Вахаби видит отличие договорной концепции государства, допускающей хищничество, от альтернативной (недоговорной) в том, что первая рассматривает хищничество как средство обеспечения защиты, тогда как вторая исходит из того, что хищническое государство предоставляет защиту только ради обеспечения собственного хищничества [Vahabi, 2020. P. 235].

В первой хищники могут превратиться в защитников, если они соберут достаточно протекционной ренты (предприниматели обменивают ренту на защиту). Во второй при наличии мультихищнической системы хищник получает монопольный доступ к жертве, защищая её от других претендентов на ренту. Тиран в конкуренции с другими тиранами должен будет предоставить некоторую защиту прав собственности, чтобы избежать утечки капиталов. Здесь защита вытекает не из договора, а стремления хищника максимизировать рентный поток.

Р. Холкомб видит следующее упущение в теории общественного выбора: «В то время как общественный выбор показывает, как современное хищническое государство

способно обеспечить выигрыш некоторым индивидам и группам за счёт наложения издержек на других, он не оказывается столь же ясным в объяснении того, что элитная группа людей — правящий класс — систематически способен обеспечивать себя благами за счёт масс» [Holcombe, 2020. P. 294].

Теория хищнического государства была подробно разработана М. Вахаби [Vahabi, 2016a; Vahabi, 2016b]. В статье «Позитивная теория хищнического государства» он пишет, что хищнические отношения между государством и его подданными зависят от способности государства захватывать или принудительно присваивать, а также от способности подданного убежать или спрятаться. Поэтому границы государства определяются характером активов, которые можно более или менее легко захватить. В результате деление активов на захватываемые (captive) и неконтролируемые (fugitive) государством фиксирует границы государственного пространства [Vahabi, 2016b. P. 153].

М. Вахаби и его соавторы распространяют понятие хищнического государства на все государства, включая либеральные демократии. В частности, он с соавторами ставит вопрос о том, присуще ли хищническое поведение государству благосостояния или оно относится только к авторитарным политическим режимам и провалившимся государствам. Ответ даётся в статье, где вводится такое понятие, как «хищническое государство благосостояния» [Vahabi, Batifoulier, Da Silva, 2020].

Как отмечал Д. Грин, «“социальное государство” вытесняет гражданское общество» [Грин, 2009. С. 187]. В его книге подробно показано, как государство наступало на организации взаимопомощи в Великобритании. В 1910 г., накануне принятия закона о национальной системе страхования 1911 г., в стране действовало 26 877 обществ взаимопомощи всех типов, в рядах которых насчитывалось 6 623 тыс. зарегистрированных членов [Там же. С. 73]. В 1907 г. 25% жителей Лондона получали бесплатную медицинскую помощь [Там же. С. 112]. Больницы и диспансеры содержались общественными и благотворительными организациями.

В книге описан процесс постепенного вытеснения организаций взаимопомощи. Он начался с принятия в 1911 г. закона о национальном страховании. Общества взаимопомощи были включены в состав системы государственного страхования. Медицинские учреждения обществ взаимопомощи были включены в созданную в 1948 г. Национальную службу здравоохранения. Этот год ознаменовал финальную точку в замещении гражданского управления социальной сферой государственным.

Во Франции после Второй мировой войны протекал аналогичный процесс, хотя конкретные формы его реализации отличались от тех, что имели место в Великобритании. Коллапс государства во время войны привёл к тому, что система социального обеспечения стала гражданской: она управлялась наёмными работниками и нанимателями, а не государством. Вытеснение гражданского социального обеспечения (civil welfare) государственным (state welfare) протекало в три этапа: в 1946, 1967 и 1996 гг. М. Вахаби с соавторами называют его реапроприацией (re-appropriation). В итоге «институциональные реформы расширили возможности государства по регулированию социального обеспечения, что привело к усилению государственного контроля и в то же время к потере возможности самостоятельного управления социальным обеспечением гражданами» [Vahabi, Batifoulier, Da Silva, 2020. P. 266].

Государство благосостояния демонстрировало свою хищную природу в XX в. через подавление конкурента в сфере предоставления социальных услуг — ассоциаций граждан. Государство бюрократии с его иерархической организацией вытесняло гражданский капитализм как несовместимый с ней общественный уклад. Это вполне можно интерпретировать как ползучую социалистическую революцию в социальной сфере. Гражданское общество, пользуясь термином М. Вахаби, оказалось в роли captive asset (захватываемого актива). Экспансия государства негативным образом сказалась и на морали людей. «Государство всеобщего благосостояния» не только разрушает систему стимулов конкурентного рынка,

но и подавляет те институты, которые позволяли мужчинам и женщинам проявить свою душевную щедрость, были прибежищем идеализма, служения другим и самореализации» [Грин, 2009. С. 20].

Поиски причин появления и роста государств благосостояния во всём мире показывают большой спектр различных мнений по этому вопросу. Среди них выделяющие уровень индустриализации и экономической открытости, соотношение сил (например, между организациями труда и организациями, представляющими консервативные круги), межклассовые союзы (когда наёмные работники и наниматели совместно выступают в защиту социального страхования, например, в случае конкуренции за привлечение высококвалифицированных работников) и, наконец, ориентированные на государство подходы. В числе последних центральное место занимают устремления бюрократии, которые приобретают особую важность в роли устанавливающих повестку дня в развивающихся странах из-за слабости профсоюзов [Carnes, Mares, 2009].

Р. Холкомб (Holcombe, 2020) показывает, что хищнические государства будут более успешными, если они смогут убедить своих граждан в том, что действия государства осуществляются в интересах общества. Идеология «прогрессивистской демократии» побуждает граждан к сотрудничеству с государством и легитимирует хищническую деятельность государства. По мнению автора, она оправдывает наложение издержек на одних ради выгоды других.

Всё это в полной мере относится и к государствам благосостояния. Как пример, можно привести следующую его характеристику: «Основой системы государства благосостояния является доброжелательное демократическое государство, которое функционирует как поставщик и регулятор социальных благ для народа» [Vivekanandan, 2022. P. 5]. У того же автора читаем: «Система государства благосостояния и социальная политика, её подразумевающая, направлены на построение этически обоснованного и ценностно-ориентированного хорошего общества, лишённого эксплуатации посредников. Это также вопрос о том, как человечество должно быть организовано с целью построения более справедливого общества, основанного на человеческой солидарности» [Ibid. P. 6]. По сути, это не анализ явления, а идеологическая индоктринация, хотя и помещённая в академическую работу.

В этой связи есть основания утверждать, что исследования голосования разных доходных и прочих групп населения за и против тех или иных социальных программ [Borck, 2019] не лишены смысла, но и принципиального значения для объяснения динамики государства благосостояния не имеют. Согласно концепции рациональной иррациональности Б. Каплана, избиратели не имеют возможности за счёт личного участия в выборах изменить реальность (вероятность стать решающим голосующим для каждого в отдельности ничтожна), а поэтому при принятии решения могут не ощущать потерь от следования принятым в обществе идеологическим установкам. «Они хотят верить, что программы сделают мир лучшим местом. Постановка под сомнение этого предположения нарушила бы их мировоззрение, не повышая существенно при этом вероятность того, что лучшие программы возобладают» [Caplan, 2002. P. 472].

Война и хищническое государство благосостояния

Что же породило столь огромные хищнические государства благосостояния и сделало их устойчивыми? Ответ на этот вопрос можно найти в упоминавшийся выше статье М. Вахаби с соавторами [Vahabi, Batifoulier, Da Silva, 2020]. И он очень прост: они — продукт двух тотальных войн — Первой и Второй мировых. Казалось бы, нет ничего более мирного, чем государство благосостояния. И хотя его хищническая природа привела к сжатию гражданского общества благосостояния, вытеснению ряда его институтов, но при чём тут война?

Объяснение даётся при помощи двух открытых экономистами эффектов: эффекта храповика и зависимости от прошлого пути, получившего в отечественной экономической литературе название «эффект колеи» [Аузан, 2015]. Эффект храповика был впервые рассмотрен в работе А. Пикока и Дж. Вайсмана [Peacock, Wiseman, 1961] применительно к росту налогов и государственных расходов: взлетая во время войны, они впоследствии не возвращаются к довоенному уровню, а закрепляются на более высокой отметке. Последнее обуславливается эффектом колеи: массовым привыканием, институциональной жёсткостью и необходимостью выполнять возникшие в результате войны обязательства. Р. Холкомб положил эти эффекты в основу теории роста государства, обращая внимание на то, что снижение по окончании войны военных расходов перекрывается ростом невоенных, в первую очередь социальных, расходов [Holcombe, 2005. P. 100]¹⁷.

М. Вахаби с соавторами указывает на три фактора, лежащие в основе эффекта храповика. Во-первых, прерывистая эволюция. Постепенные изменения являются нормой в экономической и институциональной эволюции, но периоды относительной стабильности прерываются быстрыми, существенными институциональными изменениями, которые трансформируют основные правила, политические инструменты, роли агентов и отношения между государством и обществом. Они вполне могут быть реакцией на такой экзогенный шок, как война.

Во-вторых, возросшая автономия государства. Во время войны государство берет на себя гораздо более автономную роль, чем способны предсказать теории политики или модели медианного избирателя. Институциональные инновации и радикальные реформы, которые в обычные периоды встретят сопротивление общества, могут быть проведены государством в условиях чрезвычайной ситуации.

В-третьих, необратимость. Здесь в эффект храповика встраивается появление зависимости от прошлого пути. Создаются связанные с кризисными изменениями новые агентства и расширяются старые, обретая новые полномочия. Они заинтересованы в сохранении сложившегося в результате экстренного события положения вещей. Поэтому изменения, произведённые во время кризиса, часто закрепляются. Они становятся институционализированными и со временем обретают институциональную жёсткость. Одновременно во время войны усиливается то, что авторы называют «мощностью государства» (state capacity): способностью к реализации введённых правил и сбору повышенных налогов [Vahabi, Batifoulier, Da Silva, 2020. P. 248].

Модели зависимости от прошлого пути совместимы с рассмотренным выше подходом к объяснению государства благосостояния как страхового продукта. Во время редких крупных шоков, таких как война, начинают преобладать провалы рынка, связанные не с асимметричностью информации, а с общей неопределённостью (shared uncertainty). В таких ситуациях как продавцы, так и покупатели не способны оценивать грядущие риски. При общей неопределённости государству делегируется роль «страховщика последней инстанции» (insurer of last resort), и предпочтения всех граждан смещаются в пользу обязательного всеобщего страхования [Ibid.].

М. Вахаби с соавторами разработали то, что было названо ими «оригинальной версией объяснения зависимости от прошлого пути для государства благосостояния в терминах эффекта тотальной войны» [Ibid. P. 249]. Они замечают, что массовые войны XX столетия, в отличие от средневековых, перестали быть «спортом королей». Эти войны не ограничиваются участием профессиональных военных, но охватывают всё и всех. Государство организует всю экономику и размещает всю рабочую силу согласно военным

¹⁷ Это явление обозначают как «эффект смещения» (displacement effect), и отражаемая в нём зависимость от прошлого пути хорошо иллюстрирует хищническую природу государства благосостояния организации, максимизирующей свой доход.

нуждам. Война в больших масштабах стирает различия между гражданским и негражданским населением, подчиняет всё население требованиям войны и подвергает его её последствиям [Ibid. Pp. 249–250].

Ещё в конце 50-х гг. прошлого века Р. Титмусс писал о том, что возрастающие масштабы и интенсивность войны заставляет государство проявлять озабоченность количеством и качеством подданных. Сначала оно беспокоится о количестве доступных для военной активности мужчин. Потом об их качестве. В дальнейшем появляется забота о здоровье и благополучии не только военнообязанных, но и всего населения, и в первую очередь детей как будущих рекрутов. И, наконец, требуется подумать о «гражданской морали» — убедить людей в том, что после страданий войны все они будут располагать благами, недоступными врагам [Titmuss, 1958. P. 82]. Само собой разумеется, что всё это требует институциональной трансформации в государство благосостояния.

Таким образом, государство благосостояния явилось результатом необходимости для хищнического государства развития сотрудничества между гражданскими и не-гражданскими ради успешного ведения войны. Если такое сотрудничество расценивается как приоритетная задача, то неравенство в обществе должно быть сокращено и пирамида социальной стратификации снижена. «Несмотря на важность эффекта храповика в тесной связи с кризисом, — пишут М. Вахаби с соавторами, — наш аргумент подчёркивает исходный фактор в понимании возникновения государства благосостояния, а именно тотальную военную экономику» [Vahabi, Batifoulier, Da Silva, 2020. P. 248]. В этой статье далее на примере Франции подробно рассматривается её путь от воюющего государства в I и II мировые войны к государству благосостояния (from warfare state to welfare state) [Ibid. Pp. 253–260].

Послевоенное развитие государств благосостояния в Европе было подробно проанализировано К. Поупом [Pope, 2023]. Он пришёл к заключению, что более крупные государства благосостояния европейских стран являются продуктом преобразующего эффекта Второй мировой войны. «Тотальная война приостановила ограничения на расширение прав за пределы нуждающегося меньшинства: она сковала частное финансирование медицинского страхования и пенсионного обеспечения, оправдала широкомасштабное повышение налогов, необходимое для заполнения пробела государственным средствами, и ослабила политический потенциал тех, кто проигрывает, чтобы сопротивляться» [Ibid. P. 457].

По словам К. Поупа, современное европейское государство всеобщего благосостояния является побочным продуктом разрушительной природы Второй мировой войны и включает политику, которая зародилась в нацистской Германии. «Вторая мировая война навязала Западной Европе ещё более драматические потрясения (по сравнению с Первой — А.З.), и огромные государства всеобщего благосостояния на континенте остаются наследием тех потрясений, которые они претерпели» [Ibid].

До Второй мировой войны европейские программы социального обеспечения были нацелены на семьи с низким доходом. Пенсии по старости и государственное здравоохранение проверялись на нуждаемость, поскольку более состоятельные граждане должны были сами обеспечивать свои потребности. В Великобритании национальное медицинское страхование охватывало малообеспеченных людей, а бесплатные муниципальные больницы были предназначены исключительно для обслуживания рабочего класса. Система социального обеспечения довоенной Германии, созданная О. Бисмарком, была более обширной, чем в Великобритании, и работала по обязательной, связанной с доходами модели, финансируемой за счёт налогов на заработную плату. Тем не менее участие было ограничено промышленными рабочими. И в Великобритании, и в Германии, а также в других европейских странах люди с более высокими доходами полагались на частное страхование.

Война предоставила европейским правительствам возможность расширить роль правительства в предоставлении пособий для всех социальных классов и повысить налоги с минимальным сопротивлением. Как отмечает Поуп, «приостановка демократической

политики (со всеми её спорами и противоречиями) позволила революционизировать государство всеобщего благосостояния с долгосрочным эффектом» [Ibid. P. 460].

С большими ресурсами и расширенными обязанностями правительства перешли от целевых к универсальным правам, расширив социальные программы, включив в них не только бедных, но и более состоятельных граждан. Это расширение программ социального обеспечения привело к последующему вытеснению рыночных альтернатив. В Великобритании расходы военного времени оправдывали масштабные налоговые повышения, увеличив максимальную предельную ставку подоходного налога с 65% в 1936 г. до 97,5% к 1941 г. и утроив базу подоходного налога, чтобы включить лиц с низким доходом [Ibid. P. 459]. Первоначально обусловленная потребностями военного времени, более широкая налоговая база сохранялась и после окончания войны.

Кроме того, война нарушила частные рынки и структуру финансирования системы здравоохранения, побудив правительство распространить национальное медицинское страхование на более состоятельных людей. С 1938 г. некоммерческие больницы были репрофилированы для нужд военного времени, что привело к их сильной зависимости от средств центрального правительства. Важно отметить, что У. Беверидж, учёный, которому было поручено рекомендовать реформы британских программ пособий, опубликовал в 1942 г. доклад, в котором выступал за отмену проверки нуждаемости при назначении государственных пенсий и переход от целевого подхода к всеобщим пособиям с фиксированной ставкой¹⁸.

Аналогичные события, на которые повлияла политика нацистской Германии, происходили и в других странах Европы. Как утверждает Поуп, «нацисты ... считали, что всеобъемлющие социальные льготы и принципы национальной солидарности отличают национал-социализм от практики либеральных капиталистических стран, которые направляют помощь бедным» [Ibid. P. 455]. Вот почему нацисты стремились заменить бисмарковскую модель целевых пенсий, привязанных к заработку, на систему всеобщих фиксированных льгот. И в целом в нацистской Германии «социальная политика была действенным инструментом социальной стабилизации, и масштабы этой стабилизации вполне можно определить как прецедент *welfare state*, который в прочих западных странах в подобных масштабах появился лишь после войны» [Пленков, 2004. С. 125–126].

В то время как нацисты не смогли полностью реализовать свои социальные программы в Германии из-за поражения, их политика способствовала трансформации программ пособий в оккупированных странах. Австрия приняла новую социальную политику после Аншлюса, введя пособия по безработице и широкие детские пособия. Франция, где коллаборационистское правительство, как и нацисты, считало ограничение пособий для бедных либеральной концепцией, расширила медицинские пособия и универсализировала детские пособия. Аналогичным образом, в соответствии с нацистским указом 1941 г. в оккупированных Нидерландах, максимальная предельная налоговая ставка увеличилась с 4,8 до 65%, что способствовало значительному росту голландских программ пособий [Pope, 2023. P. 458].

Трансформация европейских социальных программ во время войны обеспечила идеальную основу сохранения или даже расширения программ пособий для левых послевоенных правительств. Осознавая эту возможность, послевоенное лейбористское правительство в Великобритании и приняло закон о Национальной службе здравоохранения 1946 г. Как пишет К. Поуп, «политическая тяжёлая работа, необходимая для социализации здравоохранения ..., была полностью проделана войной» [Ibid. P. 461]. Кроме того, вдохновлённое докладом У. Бевериджа правительство отменило ограничения доходов для получения пособий и установило фиксированную ставку пособий по старости, безработице и болезни.

¹⁸ Подробно о докладе У. Бевериджа см.: [Barr, 1998. Pp. 32–34]. «Подход Бевериджа концентрировался на снижении бедности с упором на выравнивание доходов, что сильно контрастировало с подходом Бисмарка (привязанные к заработкам взносы, дающие права на привязанные к ним же пособия)» [Ibid. P. 34].

Таблица 2

Влияние Второй мировой войны на Европейские социальные программы

Страна	Социальное обеспечение до войны	Изменения во время войны	Драйверы перемен
Австрия	Ограниченное предоставление помощи при отказе от расширенных пособий	Введение пенсий по старости, пособий по безработице и детских пособий	Нацистская политика после Аншлюсса
Бельгия	Ограниченное государство благосостояния с добровольным медицинским страхованием	В 1944 г. временное правительство существенно увеличило социальные программы и ввело 23,5%-ный налог на зарплаты	Послевоенное правительство, вдохновлённое докладом Бевериджа, эксплуатировало хаос, наступивший после окончания нацистской оккупации
Великобритания	Целевые, с проверкой нуждаемости социальные права преимущественно для низкодоходных групп	Универсализация социальных прав, расширение государственного контроля над здравоохранением и социальным обеспечением	Экономика военного времени и политическое давление способствовали главным реформам
Франция	Сеть социальной защиты расширилась из-за урона от Первой мировой войны; тем не менее, была привязана к низкодоходным работникам	В 1945 г. временное правительство установило « <i>sécurité sociale</i> », устранив ограничения по верхним доходам, распространив социальную поддержку на всех граждан	Нацистская оккупация привела к расширению социальных благ при коллаборационистском правительстве. Временное правительство завершило начинания Виши
Германия	Модель Бисмарка: обязательная, привязанная к заработкам, финансируемая налогами с заработной платы, ограниченная работниками с низким доходом	Нацисты расширили доступность и контроль над программами, нацеленными на универсальные социальные блага	Цели режима, направленные на использование социальных прав ради достижения нацистских идеалов
Нидерланды	Ограниченное государство благосостояния, сопротивление обязательному медицинскому страхованию и более широкому охвату	Нацистская оккупация привела к навязыванию всеохватывающих систем социального страхования и более высоких налогов	Нацистский декрет 1941 г.

Источник: [Pore, 2023. P. 463].

В Австрии структура пособий, созданная нацистами, сохранилась после войны. Нацистский указ 1941 г., который сделал государственное медицинское страхование обязательным для рабочего и среднего класса в Нидерландах, оставался в силе до 2006 г., продолжая формировать голландскую систему здравоохранения по сей день. Попытки нацистов перестроить бельгийскую систему социального обеспечения, аналогичные их усилиям в Нидерландах, столкнулись с сопротивлением и в конечном итоге были прекращены. Тем не менее в 1944 г. временное бельгийское правительство, воспользовавшись сложной ситуацией, расширило программы социальных выплат, не проконсультировавшись с другими непосредственными заинтересованными сторонами.

После освобождения от нацистской оккупации временное правительство Франции полностью отменило ограничения и создало всеобщую программу пособий, известную как «*sécurité sociale*»¹⁹.

Эти примеры (табл. 2) иллюстрируют, как Вторая мировая война сформировала современные европейские системы социального обеспечения. В результате европейские правительства обычно тратят на программы социального обеспечения больше, чем США. Это также означает, что европейские государства благосостояния участвуют в большем количестве аспектов жизни людей, заменяя частные альтернативы и взимая более высокие налоги, которые оставляют его людям меньше ресурсов для самостоятельного проектирования своей жизни.

Заключение: Государство благосостояния как ползучая социалистическая революция бюрократии

Государство благосостояния вышло на свои нынешние размеры ближе к концу XX в. Первопричины его появления и роста — борьба государства за максимизацию своей доли в обществе и обретение новых властных полномочий. Иначе говоря, реализация его экспансионистской, хищнической природы. Движущей силой этого процесса являлась бюрократия. На протяжении прошлого века произошло вытеснение гражданского общества из роли организатора социальной сферы и замена его централизованным государственным управлением. Политический механизм пришёл на смену гражданскому капитализму. Это можно интерпретировать как социалистическую революцию бюрократии. Сворачивалась она не одномоментно, а была «ползучей», растянутой во времени. Корни универсального государства благосостояния — в тотальной войне, мобилизационной экономике и идеологии единства общества ради высших целей.

Государство благосостояния — не некий деспот-доброжелатель, а захватчик и эксплуататор. В настоящее время оно создаёт огромные дисбалансы в общественных финансах и живёт за счёт будущих поколений, часть представителей которых еще не родились. Создаваемые им блага — не милость, а непреднамеренный продукт его деятельности, нацеленной на всесторонний контроль над обществом. В то же время оно ослабляет трудовую мораль, ответственность за свою жизнь и благополучие и стимулирует многих к поиску ренты в виде социальных трансфертов. Понизив стимулы к участию в воспроизводстве народонаселения, оно породило дефицит рабочей силы в развитых странах, который массово восполняется эмиграцией из отсталых стран. В результате происходит народозамещение, в ходе которого меняется культурная среда и нарушается идентичность Западной цивилизации. Продолжение этого процесса грозит обострением противостояния в обществе и подрывом потенциала развития.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития: эволюция гипотез [Auzan A.A. (2015). Path dependence. The problem of path dependence: evolution of hypotheses] // *Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика.* № 1. С. 3–17.
- Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. (2005). *Причина правил. Конституционная политическая экономия* [Brennan J., Buchanan J. (2005). *The Reason of Rules. Constitutional Political Economy*]. — СПб.: Экономическая школа.
- Бьюкенен Дж. М. (1997). *Сочинения.* [Buchanan J.M. (1997). *Collections.*]. — М.: «Таурис Альфа».
- Грин Д. Дж. (2009). *Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства* [Green D.J. (2009). *Reinventing Civil Society: The Rediscovery of Welfare Without Politics*]. — М.: Новое издательство.

¹⁹ Об истории государства благосостояния во Франции см.: [Vahabi, Batifoulier, Da Silva, 2020. Pp. 253–267].

- Гринберг Р., Рубинштейн А. (2013). *Индивидуум и Государство: экономическая дилемма* [Grinberg R., Rubinstein A. (2013). *Individual & State: Economic Dilemma*]. — М.: Весь мир.
- Капелюшников Р. И. (2013). *Поведенческая экономика и новый патернализм*. [Kapelyushnikov R.I. (2013). *Behavioral Economics and the New Paternalism*]. Препринт WP3/2013/03. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Лал Д. (2007). *Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты* [Lal D. (2007). *The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics in Long-Run Economic Performance*]. — М.: ИРИСЭН.
- Пленков О.Я. (2004). *Третий Рейх. Социализм Гитлера (Очерки истории и политологии)* [Plenkov O.Ya. (2004). *The Third Reich. Hitler's Socialism (Essays on History and Political Science)*]. — СПб: Издательский Дом «Нева».
- Рэнд А. (2011). *Капитализм. Незнакомый идеал* [Rand A. (2011). *Capitalism. Unknown Ideal*]. — М.: Альпина Паблишерз.
- Талеб Н.Н. (2018). *Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни* [Taleb N.N. (2018). *Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life*]. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Таллок Г. (2011). *Общественные блага, перераспределение и поиск ренты* [Tullock G. (2011). *Public Goods, Redistribution and Rent-seeking*]. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Хайек Ф.А. фон. (2006). *Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов и политики* [Hayek F.A. von. (2006). *Law, Liberation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*]. — М.: ИРИСЭН.
- Яновский К., Жаворонков С., Черный Д., Затковецкий И. (2018). *Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира* [Yanovsky K., Zhavoronkov S., Chernyi D., Zatskovetskiy I. (2018). *Strategy for Long-Term Prosperity: In Search of a Melted Landmark*]. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Balcerowicz L., Radzikowski M. (2018). The case for targeted criticism of the welfare state // *Cato Journal*. Vol. 38. No. 1. Pp. 1–16.
- Barr N. (1998). *The Economics of the Welfare State*. — Stanford, California: Stanford University Press.
- Bergh A. (2014). *Sweden and the Revival of the Capitalist Welfare State*. — Cheltenham: Edward Elgar.
- Boettke P.J., Leeson P.T. (2015). Introduction // *The Economic Role of the State: The International Library of Critical Writings in Economics*. — Cheltenham. UK: Northampton, MA: Edward Elgar. Pp. XI–XXV.
- Borck R. (2019). Political participation and the welfare state // *The Oxford Handbook of Public Choice*. Vol. 2. / R.D. Congleton, B. Grofman, S. Voigt (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 544–559. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190469771.013.25.
- Caplan B. (2002). Rational irrationality // *The Encyclopedia of Public Choice*. Vol. 2. / C.K. Rowley, F. Schneider (Eds.). — New York: Kluwer Academic Publishers. Pp. 470–472.
- Carnes M.E., Mares I. (2009). The welfare state in the global perspective // *The Oxford Handbook of Comparative Politics* / C. Boix, S.C. Stokes (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 869–884. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199566020.003.0035.
- Galloway L.E., Garrett D.C. (2016). The unintended consequences of the war on poverty // *Cato Journal*. Vol. 36. No. 1. Pp. 33–45.
- Gokhale J., Partin E. (2013). Europe and the United States: on the fiscal brink? // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 193–210.
- Gonzales V. (2023). Welfare state(s) // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* / F. Maggino (Ed.). Cham: Springer. Pp. 7626–7631. DOI:10.1007/978-3-031-17299-1_3214.
- Hacker J.S. (2006). The welfare state // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman (Eds.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 385–406. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199548460.003.0020.
- Hallerberg M. (2013). Challenges for the German welfare state before and after the global financial crisis // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 263–267.
- Holcombe R. G. (2005). Government growth in the twenty-first century // *Public Choice*. Vol. 124. Nos. 1/2. Pp. 95–114. DOI: 10.1007/s11127-005-4748-x.
- Holcombe R.G. (2020). Progressive Democracy: the ideology of the modern predatory state // *Public Choice*. Vol. 182. Nos. 3–4. Pp. 287–301. DOI: 10.1007/s11127-019-00637-z.
- International Migration Outlook 2021* (2021). — OECD Paris: OECD Publishing. DOI: 10.1787/29f23e9d-en.
- Lemieux P. (2013). American and European welfare states: similar causes, similar effects // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 227–232.
- Lemieux P. (2024). Designed for another world // *Regulation*. Vol. 47. No. 2. Pp. 34–36.
- Lindbeck A. (2008). Welfare state // *The New Palgrave Dictionary of Economics Online* / S.N. Durlauf, L.E. Blume (Eds.). — London: Palgrave Macmillan. Pp. 7087–7094. DOI: 10.1007/978-1-349-58802-2_1823.
- Musgrave R., Musgrave P. (1973). *Public Finance in Theory and Practice* (1st ed.). — New York: McGraw Hill.
- North D. (1981). *Structure and Change in Economic History*. — New York: W.W. Norton and Company.
- Peacock A. T., Wiseman, J. (1961). *The Growth of Government Expenditures in the United Kingdom*. — Princeton: Princeton University Press.

- Pigou A.C. (1920). *The Economics of Welfare*. — London: Macmillan.
- Pope C. (2023). War and European Welfare Exceptionalism // *Independent Review*. Vol. 28. No. 3. P. 453–469.
- Salmon J. (2021). The impact of public debt on economic growth // *Cato Journal*. Vol. 41. No. 3. Pp. 487–509. DOI: 10.36009/CJ.41.3.2.
- Samuelson P. (1954). The pure theory of public expenditure // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 36. No. 4. Pp. 387–389.
- Schwartz P. (2013). The welfare state as the underlying cause of Spain debt crisis // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 275–285.
- Tanner M. (2013a). Introduction. Europe's crisis and the United States // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 187–191.
- Tanner M. (2013b). Is America becoming Greece? // *Cato Journal*. Vol. 33. No. 2. Pp. 211–225.
- Titmuss R. M. (1958). *Essays on the Welfare State*. — London: George Allen and Unwin LTD.
- Vivekanandan B. (2022). *The Welfare State System and Global Security. A Global Vision for a Common Future*. — Cham: Palgrave Macmillan.
- Vahabi M. (2016a). *The Political Economy of Predation: Manhunting and the Economics of Es-cape*. — New York: Cambridge University Press.
- Vahabi M. (2016b). A Positive theory of the predatory state // *Public Choice*. Vol. 168. No. 1. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
- Vahabi M. (2020). Introduction: A symposium on the predatory state // *Public Choice*. Vol. 182. Nos. 3–4. Pp. 153–175. DOI: 10.1007/s11127-019-00715-2.
- Vahabi M., Batifoulie P., Da Silva (2020). A theory of predatory welfare state and citizen welfare: The French case // *Public Choice*. Vol. 182. Nos. 3–4. Pp. 243–271. DOI: 10.1007/s11127-019-00660-0.
- Wilensky H.L. (2002). The welfare state convergence and divergence // *Rich Democracies Political Economy, Public Policy and Performance* / H. L. Wilensky (Ed). — Berkeley, CA: University of California Press. Pp. 211–251. DOI: 10.1525/9780520928336.
- Zwolynski M., Fleischer M.P. (2023). *Universal Basic Income: What Everyone Needs to Know*. — Oxford: Oxford University Press.

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaoztrovstev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics (St.-Petersburg); senior research fellow, “Leontiev Center” (St. Petersburg)

zao-and@yandex.ru

WELFARE STATE: GENEROSITY OR PREDATORY?

Abstract. The article is devoted to the origin, nature and problems of the welfare state. Its consequences are shown. It generates an imbalance in public finances, inflated social obligations that will be impossible to fulfill in the future. At present, it exists at the expense of the exploitation of future generations, some of whose representatives have not yet been born. The protective state (the “night watchman”) is being displaced by the distributing state: growing funding for social programs leaves less and less money for defense and other primary functions of the state. The welfare state attracts migrants from backward countries, who are often focused not on finding a place in the labor market, but on receiving benefits. At the same time, a conflict of cultures arises and worsens, and the national identity of the countries receiving migration flows is in danger. The concept of a predatory state is considered in relation to the welfare state. Its predatory nature manifested itself in its displacement of civil society as the organizer of the social sphere. The modern welfare state, providing universal social services for all citizens of the country, was born as a result of two world wars, from the involvement of the civilian masses in them and the necessity to ensure their existence. This quality of the mobilization economy did not become a thing of the past after World War II - national systems of providing social benefits and social protection were only developing. There was an interweaving of the “ratchet effect”, when post-war expenditures do not decrease to the pre-war level, with the “path dependence”, when social norms that appeared in wartime do not disappear in peacetime. As a result, there are grounds to consider the welfare state as a product of the creeping socialist revolution of the bureaucracy.

Keywords: *welfare state, discretionary and compulsory spending, migration, predatory state, ratchet effect, path dependence, mass war.*

JEL: D73, I31, I38, J15.